

В первой жизни он был избранным. Во второй достиг вершины в мире смертных. В третьей запачкал руки кровью. Четвертую растратил попусту.

После окончания последней жизни душа вылетела из тела. В ней ярко сверкала четвертая из девяти запечатающих меток. Душа вошла в цикл реинкарнации и начала пятую жизнь.

Настоящий Мэн Хао всё еще сидел на листе цветка в ожидании, пока тот расцветет. Янь'эр продиралась через путь трансцендентности. Она уже прошла третье треволение и двигалась к четвертому, раз за разом убеждая себя не останавливаться. Из рассказов вернувшихся с пути она знала, что её наставник... находился на пятом треволении. Каждый шаг приближал её к цели.

— Наставник, Янь'эр обязательно найдет вас.

Сосредоточенная на задаче, она размеренно дышала и продолжала идти.

Пятая жизнь началась во время снегопада в городке на пятом континенте. Рождение ребенка семья встретила не радостью, а гробовым молчанием. Чуть позже свежеепеченный отец печально взял малыша... и вынес на улицу.

— Дело не в том, что мы не хотели тебя. Просто ты... — его голос сорвался.

Родители бросили ребенка из-за того, что тот родился калекой. Вместо языка у него во рту был лишь короткий обрубок... с ним он никогда не сможет разговаривать. К тому же огромная родинка на лице делала его до жути уродливым.

Ребенок плакал с надрывом, но его единственным слушателем была морозная стужа. В конце концов детский плач услышал проходящий мимо мужчина в соломенном плаще и конической шляпе. При виде младенца он вздохнул и поднял его на руки, после чего двинулся домой. Жил он в промозглом домишке, где каждый предмет пропитывала аура смерти. Её присутствие легко объяснял лежащий в доме замерзший труп... над которым проводил вскрытие хозяин дома, городской осмотрщик трупов[1].

— Брошенный родней, немой, да еще юродивый. Буду звать тебя Молчуном.

Мужчина с улыбкой посмотрел на малыша. Когда он снял шляпу оказалось, что через всё лицо проходил шрам, придававший ему весьма жутковатый вид. От его улыбки мороз пробежал по коже, но глаза светились теплотой.

Молчун рос на жидком рисовом супе, который для него варил приемный отец. Зимняя стужа проникла глубоко в кости, поэтому младенец рос слабым и чувствительным к холоду. Его

физическое развитие, так до конца и не завершилось. Иногда создавалось впечатление, будто его мог унести с собой сильный порыв ветра.

Поскольку отец работал осматрщиком трупов, он часто находился в компании мертвецов. Каждого убитого или погибшего человека присылали отцу для осмотра. Постепенно Молчун начал учиться ремеслу у отца.

— Запомни, как выглядит такой тип ран, Молчун. Они обычно означают, что была повреждена селезенка...

— Посмотри вот сюда, этого человека точно отравили.

— Разрежь грудную клетку здесь, Молчун, и проверь внутренности на наличие крохотных белых насекомых. Если найдешь их, ни в коем случае не трогай.

— Посмотри на этого бедолагу, Молчун. Ему раскроили череп и вскрыли грудь. Ну и силища. Даже опытный воин не смог бы оставить нанести два столь чистых удара. Это явно дело рук бессмертного. Интересно, как он умудрился навлечь на себя гнев бессмертного?

Поначалу Молчуна трясло от страха, но под руководством отца со временем он весьма поднатерел в искусстве осмотра трупов. Подростком он уже совершенно не боялся мертвецов и иногда проводил собственный осмотр, когда отец был занят.

Осматрщик трупов старел. Вскоре уже не он заботился о Молчуне, а его приемный сын заботился о нём. За годы зрение осматрщика ухудшилось настолько, что он больше не мог исполнять свои обязанности. По его рекомендации Молчун стал новым городским осматрщиком трупов.

Молчун стал взрослым. Хотя его врожденная слабость так и не дала ему окончательно физически развиваться. Родинка на лице с годами разрослась еще больше, сделав его еще уродливее, к тому же он так и не начал говорить. Если прибавить к этому постоянный контакт с мертвецами, то ни одна девушка при виде его лица и отталкивающей ауры не пожелала бы выйти за него.

Молчуна это не особо беспокоило. Он хотел как отец каждый день посвящать своему ремеслу. К работе осматрщика трупов он подошел крайне серьезно, словно обладал врожденным талантом в этой сфере. Десять лет спустя он прославился как лучший осматрщик в округе. Его неоднократно вызывали в другие города, когда их осматрщики заходили в тупик.

Приемный отец чах на глазах. Он так никогда не женился, поэтому Молчун был всей его семьей. Он часто пускался в длинные монологи ни о чем, но Молчун всегда с улыбкой сидел и слушал его. Будучи немым, он в определенной степени мог общаться жестами.

За годы репутация Молчуна только выросла. Теперь его часто вызывали в столицу. Старый осмотрщик умер без боли, просто однажды не проснувшись. Весь тот день Молчун проплакал. Закопав старика и отдав ему все почести, Молчун покинул город и перебрался в столицу.

Шли годы. В возрасте пятидесяти лет об осмотрщике трупов Молчуне уже знали во всей империи. Ему хватало одного взгляда на труп, чтобы определить причину и обстоятельства смерти, причем не только с недавно убитыми, но и скелетами погибших много лет назад.

Его понимание танатологии в конечном достигло таких высот, что его нарекли великим осмотрщиком трупов и поставили на службу нынешней династии. К сожалению, осмотрщики трупов всё равно оставались людьми низкого сорта. Даже заняв высочайший пост, его уважали только собратья по ремеслу.

Тем не менее такое положение дел не расстраивало Молчуна. Он понимал, что был немой калекой. На закате жизни он решил вернуться в родной город и написать книгу. В ней он изложил все свои знания о танатологии, собственные наблюдения и выводы по результатам многих лет работы. Одной зимой он стоял у окна, размышляя об истории, которую рассказал приемный отец.

Много лет назад он поведал, как нашел посреди зимы на улице крошечного малыша. Постепенно глаза Молчуна тускнели, его жизнь подходила к концу. Он до сих пор боялся холода. Он чувствовал, как его покидает теплота, будто он становился трупом. Молчун чувствовал скорый конец.

Однажды ночью он открыл дверь. Ему в лицо ударил порыв ледящего ветра. Молчун решил вернуться на место, где, по словам старика, он нашел его. Найдя нужное место, он тихо вздохнул, лег на землю и посмотрел на небо, позволив холоду окутать себя. Падающие ему на лицо снежинки не таяли. Постепенно на его лице расцвела улыбка. Улыбка, которая уже никогда не погаснет...

Молчун ушел из мира так же, как и пришел в него. За всю жизнь он не произнес ни слова. Пятая жизнь подошла к концу. В сравнении с четвертой она была не такой насыщенной. Он не покрыл себя славой, как сделал это в первой жизни, не обладал могуществом, как было во второй. В отличие от третьей его жизнь не знала кровопролития. По большому счёту пятая жизнь вышла весьма заурядной. В ней у него были мир, покой и его ремесло.

Поднявшаяся из тела душа слилась с ветром и снегом. Пятая запечатывающая метка внутри сияла мягким светом. Душа реинкарнировалась. Началась шестая жизнь.

Примерно в то время дрожащая Янь'эр вместе с мастифом, её извечным спутником, подходила к концу четвертого треволнения. В ходе путешествия росла её культивация и углублялось просветление. Теперь она находилась на уровне дао лорда. Пройти четвертое треволнение оказалось очень трудно. Каждый шаг приближал её к пятому треволнению.

У границы её глаза загорелись. Наконец-то она сможет увидеть наставника... И, действительно,

его тело сотни лет просидело в позе созерцания... Его покрывала пыль, но черты лица оставались легко узнаваемыми. При виде наставника сердце Янь'эр дрогнуло. Она упала на колени и отдала ему земной поклон.

— Наставник, — сквозь слёзы выдавила она.

Спустя сотни лет её воспоминания о наставнике ничуть не потускнели. Она не могла забыть. Это была её цель. Её одержимость. По этой причине она забралась на святилище Безбрежных Просторов и вступила на путь трансцендентности. Всё из-за наставника. Она хотела сама убедиться в его гибели.

Сейчас она не могла подойти к покойному, только смотреть на него. Если она войдет в пятое треволнение, то её тотчас уничтожит давление. Поэтому она со слезами на глазах стояла в одном шаге от него. Спустя какое-то время в её глазах появился странный блеск.

— Пойдите-ка...

Она пригляделась ко лбу Мэн Хао. После небольшой паузы она стиснула зубы и потянулась к нему рукой. Для этого ей пришлось запустить руку в пятое треволнение. Давление практически мгновенно обратило её руку в кровавый туман, но перед этим ей удалось коснуться лба наставника.

Закашлявшись кровью, Янь'эр чуть не упала. Ниже локтя у неё отсутствовала рука, но она даже не обратила на это внимание. За один мимолетный контакт с кожей наставника она выяснила кое-что, чего никто не заметил.

— Лоб наставника в прошлом открывался. Это Дао Реинкарнации. Эту магию... он пытался передать мне. Его душа не рассеялась. Другие думают, что он мертв, но я его ученица. Я чувствую... наставник не погиб! В таком случае, почему его духовное пламя погасло?.. Если только...

Янь'эр давно выросла из маленькой девочки в умную и сообразительную женщину. Она уже обо всём догадалась, но не могла смириться с этим. Наконец она тяжело задышала. Теперь у неё появилась новая задача.

— Наставник... раз вы отправились в цикл реинкарнации, тогда я найду вас среди смертных...

С этими словами она поднялась на ноги. Целебными пилюлями она отрастила руку, на прощание посмотрела на тело наставника и вместе с мастифом двинулась в обратный путь. Её новая цель — девять континентов планеты Безбрежных Просторов. Там она собиралась начать поиски наставника. Она знала, как работает Дао Реинкарнации, поэтому по имевшимся у неё на руках зацепкам поняла, что он сейчас находится где-то на планете Безбрежных Просторов.

[1] Государственный служащий при династии Сун. Современным аналогом может служить коронер, судебно-медицинский эксперт. — Прим. пер.

<http://tl.rulate.ru/book/96711/572323>